

Мария БУТИКОВА (г. Зеленоград Московская обл.) **Местное время: осень**

Октябрьские дни становились короче, и каждый убывающий день, казалось, уносил с собой еще по одной пригоршне красно-коричневых, оранжевых или желтых листьев. Воздух пах осенними ягодами, медом и меланхолией, как любимая старая, зачитанная книга.

В том доме жили три человека, и они практически никогда не разговаривали друг с другом. Их пути редко пересекались, хотя и были они друг другу родней — в будние дни один уходил из дома с рассветом, вторая исчезала, стоило часам пробить полдень, а третьей целиком принадлежали вечер и ночь. Они жили так без малого уже лет двадцать, но не слишком-то хотели знать, кто и чему посвящает свои дни. Их существование было довольно стабильным на посторонний взгляд, а большего они и не желали.

Но кроме будней были еще и выходные. Все одинаковые, независимо от времени года. Они собирались вместе, готовили еду, может быть, смотрели телевизор, несколько часов проводили в гостиной — и почти всегда молчали. Тот, кто вставал на рассвете, любил днем иногда вздремнуть, та, которой принадлежал день, легко находила, чем занять себя до вечера, а другая, вечерняя, торопила время как могла, чтобы их дом и ее саму поскорее накрыли сумерки, а потом и темнота.

Их пути лежали параллельно, но в одной плоскости, будто их привязали к этому месту, к этому жилищу. Третья, самая чувствительная из них всех, иногда задумывалась, как оно было бы, сложись жизнь по-другому. Если бы кто-то из них просто однажды не вернулся в свое обычное время домой — разрушило бы это стену молчания?

Или если бы они говорили, говорили, не притворяясь, что их рты и глотки запечатаны друг для друга тройной печатью?

Ведь один мог бы приносить домой на ботинках травинки со двора — свежие и тоненькие весной, плотные изумрудные — летом, желтые — осенью, а зимой на ботинках был бы иней или снег; другая могла бы заходить в дверь с кучей покупок, загорелая летом или румяная с мороза зимой, и ее слова пахли бы свежей выпечкой и сплетнями; третья оставляла бы свет в своей комнате и коридоре, чтобы вернуться к нему, лететь под утро, как мотылек, домой, неся в ладонях и на волосах ночную прохладу и блески со звезд, а ее сумка была бы полна безумных и прекрасных идей, которые дарит только ночь после полуночи. И каждый находил бы для других истории о подобных вещах, и они сидели бы на кухне, смеясь и предлагая друг другу то, что обычно получают от своего времени дня.

Но, к сожалению, все было иначе.

Первый стряхивал травинки и снег с ботинок еще на пороге дома, тщательно вытирая ноги о коврик, будто боясь запачкать улицей дом; вторая обсуждала свежие сплетни на работе или в кафе, а пакеты с покупками приносила в пустую, обычно безразличную к ним кухню; третья же шила себе одежду из безумных ночных идей, потому что их было слишком много, чтобы хранить в одной только голове, а в свете дня они блекли и ни на что не годились.

Если им вдруг хотелось что-то сказать, то выходило плохо, обычно, ни о чем, без души и чувства, и они замолкали. Поначалу это было обидно, несправедливо — ведь они все же были одной крови. Но после бесплодных ежегодных попыток поговорить по-настоящему, они сдались и приняли все это как должное.

Нынешняя осень золотила дорожки на улице и в парке, укрывала мягкими туманами озера по утрам, и была такой яркой — то охряной, то багровой, то морковного оттенка. Все трое, будто сговорившись, торопились запечатлеть ее, кто где мог: первый — на пленке, вторая — на бумаге, а третья — в памяти, поскольку ее снимки были всегда слишком темные.

Глядя на старые семейные фотографии, четкие и яркие, но почему-то тоже похожие на жухлые листья, они никогда по неизвестной причине не допускали и мысли о разлуке друг с другом — свыкшись, стерпевшись, молча, они были как три дорожки в боулинг-клубе: им безразлично все на свете, но скорее снесут сам клуб, чем уберут одну из них.

Но у времени свои правила. Оно меняет сезоны, людей, здания, устои и привычки. Хотя каждая, даже самаямышленная, человеческая особь думает, что «это-то вот точно навсегда», «это не изменится», даже если «это» не то, ради чего она живет — так проще жить, проще думать, проще пускать свои мысли по уже проверенной кривой, привыкнув к чему-то.

Ночь

Я просто пришла домой. С этого все началось, я просто пришла домой, и...

Нет. Позвольте, я начну с самого начала.

У звезд очень особенный цвет. Мы видим их не так часто, а когда видим, то думаем, что это всегда один оттенок — серебристо-белый, в редких случаях — желтоватый. Но они разные, каждая, они как маленькие радуги, если уметь смотреть на них по-настоящему.

Я не знаю, чем это вызвано, но ночь мне всегда была ближе, чем день. Даже нет, не так... ночь была для меня как день. Я редко вижу солнце, редко просыпаюсь раньше сумерек. Вот, наверное, откуда берутся эти сказки про вампиров, хотя я на самом деле не то, что не пью кровь и не нежусь в гробу, я даже никогда не встречала никого, подобного себе. Не знаю я также, как нас угораздило всех троих так сойтись, так родиться. Дневная еще очень давно, когда мы хоть как-то говорили, призналась мне, что думает, будто кто-то там, наверху, перепутал все в спешке: нас создали такими контрастными, как будто вывернули эту ручку контраста донельзя, а потом так и забыли в одной коробке, хотя по правде мы должны бы разбавлять, гармонизировать.

Так или иначе, что есть, то есть. Я никогда была не против видеть в звездах радугу, и с чем может сравниться это ощущение, когда ночью ты закрываешь глаза, и тебя отовсюду обступают шорохи, хотя ты знаешь, что никого в комнате нет, — шорохи идей, мыслей, обид, разочарований, прошлого, счастья и несчастья? Будто паутинка. На то, чтобы взять и сохранить каждую ее нить, потребуются сотни лет, а у меня нет этих сотен, и поэтому я просто вытягиваю эти нити, по сколько смогу, и плету из них — может, одежду, может, саван.

В тот день я вернулась домой как обычно под утро, и эта ночная, привычная мне паутинка обвивала мне руки и ноги, я барахталась в звездном свете, который затопил мне рукава и залился за шиворот. Мне не терпелось дойти до моей комнаты, снять с себя все это и уснуть. Я медленно, устало брела по коридору, собирая с обоев пальцами остатки ночной темноты. Было уже скорей рано, чем поздно — время, когда просыпался и выходил из своей комнаты Утренний. Я всегда безошибочно знала, проснулся он или нет — стены коридора, потолок и пол возле его двери тогда слабо светились, и даже этот свет заставлял меня зажмуривать глаза, он казался ярким, он был таким насыщенным по сравнению со светом фонарей или звезд, что тоже походили на паутину.

Света не было, коридор был темным и тихим, где-то было открыто окно, в которое неприятливо задувал и свистел ветер. Я чувствовала, что уже валюсь с ног, но это

странное, такое пустое чувство вокруг заставило меня пройти дальше. И я обнаружила, что дома никого нет.

Ничего страшного на первый взгляд, правда? Может, они уехали или ушли развлекаться; может... да мало ли чего может случиться. Но не с нами, не в нашем доме.

Вокруг было так странно, как будто кто-то поменял всю обстановку. Тем не менее, все было на своих местах, будто забытое, оставленное на секунду, перед тем, как из комнаты вышли. Но когда я отважилась заглянуть в их комнаты, они оказались пусты, как две новые картонные коробки — голые стены, безупречно ровные голые полы.

Я обошла весь дом, закрыла окно, распахнутое настежь и впускавшее в комнаты этот промозглый ветер. Потом пошла в свою комнату и легла спать.

На следующую ночь все было по-прежнему. Пустые комнаты, голые стены. Ни следа ни пятен света возле его комнаты, ни ощущения жизни и движения возле ее. Я ни о чем не могла думать, я испортила столько нитей, что хватило бы на целый хороший клубок, и ночная темнота недовольно смотрела на меня со стен, ожидая, что я наконец обращаю на нее внимание. Я решила не спать, подождать утра. Но утро не наступило, как и день. Часы в доме, и наручные маленькие, и большие настенные, показывали полночь, и стрелки в них не желали двигаться. Механический голос в телефонной трубке, когда я в отчаянии набирала «Время», говорил мне то же, что и часы.

С тех пор здесь всегда полночь. Всегда радужные переливы звезд и тихие шепотки идей, иногда выливающиеся в целый монолог. Всегда эти нити ночи, которые я сматываю в аккуратные клубки и откладываю на потом — когда оно, это потом? Иногда ночная темнота принимает формы, и по дому скользят силуэты, в которых я могу узнать даже их двоих, если захочу. Вечная ночь, ночная богиня — разве не этого мне хотелось? Я не знаю.

Утро

Свет был какой-то не такой. Утренний, вроде с виду обычный, сероватый. Я вышел из дома и зачем-то огляделся, обернулся даже — все равнодушно смотрело на меня, как и всегда. Октябрь выдался холодный, с короткими днями, иногда и не заметишь, сколько прошло времени, как уже вечер. Если только ты сам не состоишь из этого времени.

Утренняя прохлада божественна только летом и весной, осенью она обычно эволюционирует в простой холод, но я люблю и то, и другое. Каждое утро — как сорванный цветок, который распускается подобно лотосу, и на каждом лепестке, покрытом крохотными капельками росы, столько возможностей, что хочется реализовать их все. Я ничего не пропускаю — мы же еще не научились путешествовать во времени. Выходишь из дома на рассвете — небо еще темное, и все такое тихое, такое чистое, как новая страница, ждущая, пока на нее не капнут чернила с твоей ручки, и рука не начнет свой замысловатый танец, рождая что-то особенное. Они обе иногда смотрят на меня как на идиота — свихнулся ты, мол, что ли, чему ты радуешься? Возможности оторваться от уютной подушки, сбросить с себя теплое одеяло и выпорхнуть навстречу утру, едва продрав глаза? Сумасшедший, ну точно.

Поэтому, когда на неделе одно утро вдруг растянулось так непозволительно долго, а потом все повторилось, я даже обрадовался — просто счастье для такого, как я. Тем более весь мир вокруг ничегошеньки не желал замечать, притворяясь, что это в порядке вещей.

Но потом, сидя на кухне и глядя на упрямые часы, которые даже после замены в них батареек все равно встали на отметке «7 утра», я все же заподозрил что-то неладное.

Их вроде бы это не волновало, они даже не желали отзываться, когда я звал их снизу —

Ночная, конечно же, спала, как, впрочем, и Дневная. Это потом я уже понял, что они пропали обе — как сквозь землю провалились. И мебель с собой унесли. Меня мучил вопрос — что я сделал не так, в чем виноват? Но ответа подходящего не было, зато было постоянное утро и все, что я так любил в нем.

Я все еще мучаюсь этим вопросом, но мне стыдно засыпать, не узнав всего, что ждет меня на лепестках лотоса. Немного скучаю по ним — так, как скучают не очень хорошо знающие друг друга люди, редко, когда мне делать нечего. В общем и целом, неплохой подарок судьбы. Вот только если бы еще осень, наконец, кончилась...

День

Солнца в октябре мало, и время мое короче. Только и успеваешь, что сходить за чем-нибудь в магазин, поговорить с приятелями по дороге, а потом раз — и уже темно. В этом доме я одна забочусь о домашнем уюте, не сказать, чтобы мне это не нравилось, но иногда надоедает. Вот и в тот день надоело, время уже приближалось к двум дня, и мне просто захотелось пройтись.

Я пошла в центр города, любуясь по пути разноцветными деревьями и людьми в пестрых шарфах, встретила пару знакомых, которые недавно поженились. Вместе мы дошли до торгового центра, да там и распрощались — их воззвал куда-то к неотложным делам телефонный звонок. Они были такие счастливые — этим вроде бы обыденным счастьем, будто луч солнца взял да упал к тебе на губы.

В торговом центре я купила себе помаду, шелковый шарф и яркую блузку — одежда для осени совершенно неподходящая, но меня очаровали переливы цветов на мягкой ткани. Я не очень люблю холодные времена года, мне больше по душе лето, много солнца и ленивые полудни в компании кого-нибудь приятного на пляже. Блузка тоже требовала тепла.

Люди гуляли по городу, наслаждаясь остатками дня, согретыми солнцем. Я люблю писать о них, могу извести целую пачку бумаги на описание чьего-нибудь лица или голоса. Стольких хочется ухватить, столько образов и судеб попробовать на вкус.

Вернувшись домой в отличном настроении, я приготовила обед. Утренний уже вернулся и дремлет в своей комнате, — думала я, — нужно разбудить его, чтобы он поел. Может, потом мы сможем немного поговорить? Или даже если не сможем... не пропадать же еде зазря. Ночная так глубоко в своих снах, что лучше не тревожить ее — главное, не забыть оставить ей тоже.

Утреннего не было в комнате. Там был только солнечный свет, косыми лучами лежащий на паркете. Я попятилась, огляделась беспомощно. Вспомнила почему-то день, когда мы въехали сюда — свет лежал на полу точно так же.

В комнате Ночной тоже было пусто, она была такой обычной, не сравнить с той, какой она была раньше — эти темные стены, клубки ниток вокруг, зеркала... Вынесено все, даже люстра.

Первой моей мыслью было, что нас ограбили. Но моя комната была в целости и сохранности, все деньги, что я хранила за полками на кухне в старом кошельке — тоже. Только часы... я до сих пор не поняла, что с ними. Дни как-то странно удлинились, мне кажется, что я живу в одном дне, который не заканчивается. А может, я просто слишком много сплю в последнее время?

От них нет новостей — ни весточки, ни звоночка. Я предвидела это — рано или поздно нам суждено было разойтись. Контрасты притягиваются, но часто потом отталкиваются друг от друга, откатываются на дальние расстояния. Но я все равно готовлю обеды — и перекормила ими всех друзей и знакомых, которые завидуют, что у меня столько

времени. Времени? Может быть... Наверное, я все же слишком много сплю.

* * *

Говорят, что дом снесла какая-то компания, предварительно заплатив жильцам кучу денег, поскольку место, где он находился, очень подходило для застройки под новые офисы. Но дни идут, а место по-прежнему пустует. Кто-то вообще заявляет, что дом не снесли вовсе. И не знаешь, кому верить: иногда, проходя там рано утром или глубокой ночью, можно подумать, что он и правда на месте — за пышными кустами, что росли у забора, со стороны дороги даже будет виден бледный кусочек его крыши. Иногда и днем дом как будто маячит где-то на периферии зрения, раздражает, как соринка, которую не видишь, но ощущаешь. Город, который не обладает достаточным количеством своих легенд, радостно вплел этот дом в местный фольклор.